

Глава 11. Противостояние

Ли Чжунчэн прекрасно понимал: перед ним стоит родной брат, тот самый, что подослал убийц к их отцу и матери. В его душе не осталось и капли тепла к этому человеку — лишь бешеное, клокочущее желание схватиться за нож и покончить с ним на месте.

Взгляд юноши невольно скользнул по дорогому одеянию Мо Чжияня, задержался на изящной грелке в руках и на стражах, что плотным кольцом обступили своего господина. От этой вопиющей несправедливости сердце Ли Чжунчэна пронзила такая острая зависть, что в груди перехватило дыхание.

В голове Мо Чжияня еще несколько секунд стоял гул, точно от удара колокола. Щека горела огнем, в глазах потемнело от ярости, а в душе всколыхнулось ледяное, жаждущее крови намерение.

Но тут в сознании раздался резкий, леденящий треск статического электричества.

Этот звук подействовал на него как ушат ледяной воды. Чжиянь мгновенно пришел в себя, вспомнив о Системе, пустившей корни в его разуме, и о ее угрозах немедленного уничтожения. Стиснув зубы, он заставил себя разжать кулаки.

«Нельзя. Старейшина Фусун уже заметил эту семейку. Я не могу убить Ли Чжунчэна. Разве что мне удастся раздобыть еще один предмет для контроля разума...»

Молодой господин искоса взглянул на Мо Семнадцать, который застыл за его спиной точно бездушная марионетка. Чжиянь втайне проклинал свою неосмотрительность: зачем он так рано потратил предмет из стартового набора? Тогда ему просто хотелось иметь под рукой верного пса для грязных дел, и он не предвидел нынешних трудностей.

Проглотив рвущуюся наружу ярость, он придал лицу выражение полнейшей растерянности.

— Чжунчэн?..

— О чем ты?.. — Он запнулся, словно его осенило. — Кто-то наговорил тебе про меня гадостей, верно?

В оригинальной истории Ли Чжунчэн не должен был ничего знать. И не только он — даже Мо Сюню полагалось знать лишь о его существовании, но не о конкретной личности брата. Однако нынешнее поведение мальчишки ясно говорило об обратном: он не просто знал о нем, он ненавидел его.

Ли Чжунчэн смерил собеседника презрительным взглядом:

— Зачем ты явился?

— Я... — Мо Чжиянь отвел глаза, изображая глубокое раскаяние и стыд. — Я только недавно узнал о вашем существовании. Понял, что ты — мой единственный родной брат, и решил... решил навестить вас.

Пока тот лихорадочно соображал, как заманить наглого юнца с собой и заставить свидетельствовать в свою пользу, Ли Чжунчэн нанес новый удар:

— Только узнал о нас — и сразу подослал убийц?

Сердце Мо Чжияня пропустило удар.

Откуда ему это известно?!

«Мо Шестнадцать... Только этот никчемный мусор мог всё испортить!»

Внутри юноша кипел от негодования. Но даже будучи бесполезным, Мо Шестнадцать оставался преданным смертником; он не мог выдать личность хозяина.

«Может быть, в момент нападения вмешался Мо Сюнь? Это привлекло внимание Фусуна, старейшина узнал Шестнадцатого, а эта чета неудачников догадалась о правде? Да, скорее всего. Мо Сюнь знает лишь то, что его подобрали Ли, но правда о подмене ребенка известна только этим двоим».

Мо Чжиянь напустил на себя вид крайнего изумления:

— Что?! Какое нападение? Убийство?.. Как я мог пойти на такое, вы ведь моя плоть и кровь!

«Лги, лги больше», — подумал Ли Чжунчэн.

Он не собирался вступать в долгие споры. Ухватившись за край двери, он приготовился в любой момент захлопнуть ее перед носом гостя.

— Говори прямо: чего тебе от нас надо?

Молодой господин тоже не хотел терять времени. Люди, которых он послал задержать Фусуна, долго не продержатся. К тому же он не знал, что Мо Сюнь уехал, и выбрал время, когда того предположительно не было дома. Он постоянно оглядывался, опасаясь, что его враг вот-вот вернется и застанет его здесь.

— Я хочу забрать вас с собой, — произнес он с предельной искренностью.

Он обвел взглядом ветхое жилище, и в его глазах блеснули слезы. Сглотнув, точно от невыносимой боли, юноша замолчал, лишь с жалостью глядя на Ли Чжунчэна.

— Теперь у вас есть я. Больше я не позволю вам нуждаться.

Мальчишка на мгновение заколебался. Вражда враждой, но никто в здравом уме не станет отказываться от денег. С другой стороны, он боялся, что тот просто хочет заманить его в ловушку, чтобы прикончить.

— И что мы должны сделать для тебя? — прямо спросил он.

Чжиянь ощутил укол раздражения. Собеседник оказался на редкость строптивым, а времени не оставалось совсем. К тому же предубеждение было слишком сильным, чтобы развеять его за пару минут.

Он решил отбросить маску любящего брата и перейти к делу.

— Вы должны свидетельствовать в мою пользу. Скажете, что я не подсылал к вам никаких убийц. Всё это — ложь старейшины Фусуна, который заставил вас оговорить меня. Его цель — воспользоваться болезнью моего отца, подавить меня и захватить власть.

Дружелюбие окончательно исчезло с лица Мо Чжияня. Холодно и расчетливо он изложил свои условия:

— Когда дело будет сделано, я дам вам столько денег, что вы до конца своих дней не будете знать нужды.

Он медленно поднял веки, и его взгляд показался бездонным колодцем.

— И еще: Мо Сюнь не должен знать об этом разговоре.

Помня горький урок с семьей дяди, Ли Чжунчэн не стал выдавать, что Мо Сюнь ушел. После недолгого раздумья он кивнул:

— Хорошо. Но я должен предупредить родителей.

— ...Всё было именно так. Прошу молодого господина дать объяснения.

В Великом зале Сяохэ голос старейшины Фусуна звучал гулко и сурово. Его острый, пронзительный взгляд был прикован к Мо Чжияню.

Поначалу он и сам сомневался, подозревая, что Мо Шестнадцать мог творить бесчинства, лишь прикрываясь именем господина. Однако на обратном пути ему то и дело ставили палки в колеса, и даже его прямолинейный ум подсказал: кто-то намеренно плетет интриги.

Доверие Фусуна к юноше рухнуло в бездну. Если тот не найдет веских оправданий, старейшина сделает всё, чтобы не допустить его к посту следующего главы Дивного края Хуами.

Под прицелом десятков глаз Мо Чжиянь выглядел потрясенным, но продолжал гордо держать спину.

— Раз так, прошу старейшину привести тех смертных сюда. Пусть они сами всё расскажут перед лицом собрания.

Три дня спустя Ли Чжунчэн предстал перед мастерами. Мощь практиков стадии Великого вознесения давила на него непосильным грузом; он не смел поднять головы и, содрогаясь от ужаса, рухнул на колени.

Согласно уговору, он сначала начал неумело обвинять Мо Чжияня в покушении. Когда же в его показаниях начали находить дыры и подвергать их сомнению, он с перепуганным видом принялся лепить одну заплатку на другую. Чем больше он говорил, тем больше запутывался, пока не «сломался» окончательно, выдавая заготовленную «истину»:

— Смилуйтесь, бессмертные господа! Я не хотел лгать, меня заставили! Сказали, что если я не сделаю этого, всю мою семью вырежут! Умоляю, пощадите! Я не со зла оклеветал этого благородного заклинателя!

Он бился лбом о пол, заливаясь слезами. Образ напуганного, затравленного простака был исполнен безупречно.

Мо Чжиянь вовремя подпустил красноты в глаза и посмотрел на Фусуна:

— Старейшина, наша семья всегда была к вам благосклонна. Отец только-только получил ранение... к чему все эти козни?

Он не стал придумывать повод, по которому семья Ли могла его обидеть, — ведь те были живы, и любая проверка вскрыла бы ложь. К тому же он понимал, как трудно убить кого-то под носом у «главного героя», поэтому решил нанести удар по самому обвинителю.

Старейшина от гнева едва не лишился дара речи:

— Молодой господин хочет сказать, что старый дурак намеренно тебя подставил?!

— Не гневайтесь, я не это имел в виду, — смиренно ответил юноша. — Просто подумал... вдруг произошло какое-то досадное недоразумение?

— Да я... — Фусун задохнулся от ярости.

Его осторожно придержал за локоть стоявший рядом старейшина Юнь Гуй. Он холодным, бесстрастным взглядом наблюдал за этим фарсом.

— У тебя есть доказательства того, что Фусун угрожал тебе? — обратился он к Ли Чжунчэну.

Сердце Мо Чжияня екнуло.

Юнь Гуй едва удостоил его взглядом. Мальчишка, прикинув к полу, ощущал, как холодный пот градом катится по лицу.

— Н-нет...

— Раз молодой господин считает мои вопросы излишними, спрошу о другом, — продолжил Юнь Гуй. — Когда, где и в какой форме Фусун угрожал тебе?

Мо Чжиянь немного расслабился. Этот вопрос они обговорили заранее.

Однако минуты шли, а Ли Чжунчэн молчал. Капли пота на полу под ним сливались в лужицу. Чжиянь почувствовал, как дыхание перехватило. Неужели этот идиот от страха позабыл все слова?

— Я не знаю! — в истерике закричал Ли Чжунчэн, размазывая по лицу слезы и сопли. — Я ничего этого не знаю! Он угрожал не мне, а моему брату! И брату же он дал денег! Я ничего не знаю, это брат заставил меня так говорить!

Мальчишка рос под защитой родителей и старшего брата. Что бы ни случилось, Мо Сюнь всегда улаживал проблемы. Со временем это породило в нем слепую зависимость, и в миг смертельного ужаса он инстинктивно попытался прикрыться своим бывшим защитником.

— В таком случае, приведите сюда вашего брата, — отчеканил Юнь Гуй.

Раз ложь сорвалась с губ, пути назад не было. Ли Чжунчэн начал громоздить детали одну на другую:

— Брат испугался, что всё вскроется, и уже давно сбежал!

— Если это твой брат, и он пошел на риск ради семьи под угрозами Фусуна, с чего бы ему бросать вас на произвол судьбы?

Мо Чжиянь понял, что дело дрянь, но было слишком поздно.

— Да потому что он нам не родной! — Ли Чжунчэн зашелся в рыданиях. — Ему всегда было плевать на нашу бедность! Как только получил деньги, сразу дал деру, прихватив всё ценное из дома! Отец и мать теперь даже лекарств купить не могут... Он просто неблагодарный выродок, вот он кто!

Фусун окончательно расхохотался от возмущения.

Презрение к бедности? Сбежал с деньгами? Нет средств на лечение?

Он что, за дурака его держит?

Он собственными глазами видел, как этот юноша, Мо Сюнь, перед уходом оставил им Изящную траву! Всего несколько дней прошло — и вдруг им не на что лечиться?

Старейшина взмахнул широким рукавом, и в воздухе повисло старинное зеркало. Он смерил стоящего юношу и коленапреклоненного мальчишку тяжелым взглядом.

— У вас, может, и нет доказательств, а вот у меня — найдутся.

Лицо Мо Чжияня мгновенно побледнело.

«Зеркало возвращения в мечту — бессмертный артефакт, способный запечатлеть образ. Как этот прямолинейный старик додумался оставить свидетельство?!»

Фусун холодно усмехнулся:

— Не ожидал? В тот день, когда я покинул ваш дом, я вернулся назад. Словно предчувствовал, что наступит такой день.

Юнь Гуй снова бросил на него быстрый взгляд.

Ошеломленный и сбитый с толку Фусун, который после возвращения рассказал обо всём близкому другу и, вняв его совету, вернулся за доказательствами, лишь сухо добавил:

— В общем... я всё записал.

<http://bllate.org/book/15862/1434294>